

ТОТ ЯБЛОНЕВЫЙ ЦВЕТ

Вадим Ольшевский

Я из того поколения, что и он, Алеша Фатьянов, которое навсегда останется молодым. Почему так запросто называю его — Алеша? Потому что, кажется мне, с ним вместе в прифронтовом лесу будили нас на рассвете соловьи. Вижу — мальчишка-солдат, которого растревожили соловьи, — это я. И парнишка на солнечной поляночке, что пришел с войны, — это я пришел с войны. С теми стихами Алеша живет во мне парнишка на солнечной поляночке...

То была неповторимая весна сорок пятого года. Мы шли последними верстами боев, и яблоневого цвет ложился на стволы орудий. И чувство владело, что будет только весна и на боевых стволах — яблоневый цвет.

С тем цветом пришел Алеша Фатьянов.

После падения Берлина нас отвели в лагерь — в сосновые леса близ городка Фюрстенвальде. Каждые день-два приезжала кинопередвижка и показывала фильм про леди Гамильтон. Мы знали наизусть происхождения прекрасной леди и мужественного адмирала. И еще фильм был, где звучала песенка английских "томми" первой мировой войны — о том, как долог путь до Типерри, и мы не знали — река это или город, или селение какое, где ждет солдата девушка Мэри, а только нам тоже хотелось домой.

И вот в один из этих дней, вернее, вечеров, когда натянули экран между соснами и затрещал кинопроектор, явился к нам Алеша Фатьянов. Нет, это был, конечно, не он, мы и не знали такого, да и было ли в титрах его имя, а если и было, то кто бы упомянул, что слова к песне, прозвучавшей в фильме, сочинил Фатьянов.

Память не удержала, что это был за фильм, а только Алешина та гармонь-тальяночка звучит во мне доселе, как и тогда в сосновом лесу под стрекот кинопередвижки.

Теперь мне кажется, что это был он, парнишка на поляночке, Алеша Фатьянов.

Я его ни разу не видел, не слышал, даже фотографию не держал в руках. Что же вижу его так, будто себя? Нас не ожесточила война. Она раскрыла нам глаза на жесто-

кость. В нас была доверчивость к миру — к миру, какой нам достался после войны. Эту раскрытость, доверчивость уловил Алеша, сделал своими песнями. Немного нам нужно было в ту пору. Нужно, чтобы рядом был товарищ, Алеша стал товарищем. Нет, не тем модным кумиром, чей кураж на эстрадных подмостках оборачивается стыдобою и болью за нынешних молодых. После всего, что было на войне, в душу входили интонации искренние и простые. Мы были молоды, и нам нужна была чистота души — чистоту души несли песни Алеша.

Он был красивый — другого не вижу. В моих глазах он из тех «добрых молодцев», с которых поются старинные песни. По рассказам, по воспоминаниям представляю себе: он, как молодой Охлопков в фильме про Александра Невского, дружинник князя Александра, Гаврила Олексич, который скинул тулуп, в рубахе распояской, крушил деревенской оглоблей закованных в железо тевтонских рыцарей. Любят на Руси красивых людей. Был красивый — Алеша. Годы идут, а он все тот же, видится, кому старшина в каптерке не может подобрать гимнастерку по росту, чтобы не лопалась на груди, а руки из рукавов не высывались до локтей. Такой он был, рассказывают, — золотоволосый, спелая рожь в летний полдень. С гармошкой на поляночке и соловьями в прифронтовом лесу. И еще, говорят, доверчивый он был, раскрытый, как ребенок, и нельзя было его обидеть, как нельзя обидеть ребенка. Было однажды: на каком-то худсовете не приняли его песню, он отошел в сторонку и заплакал.

Вспоминается мне, когда шли бесконечные конкурсы на памятник Победе с бронзовыми воинами, атрибутами оружия, драконами, пронзенными копьём, голос прозвучал бесхитростный: поставить бы в нелюдном месте, в затишке, икону Божией Матери и затеплить негасимую лампаду. Пред ликом Вечной Матери, как пред ликом России.

Память светла. Память к себе бережлива. Люди несут в себе память.



Фатьяновский вечер



Владимирскому писателю В.И. Акулинину вручена премия «Соловьи, соловьи» Алексея Фатьянова на Всероссийском фатьяновском празднике поэзии и песни в Вязниках 23 июля 2000 года

Не потому ли каждый год и сходятся и здешние, и отовсюду приходящие, приезжие на родину Фатьянова, в Вязники, на праздники фатьяновской поэзии. Сходятся, чтобы приобщиться к Алеше. К молодости тех годов, когда был молод Алеша. Когда и “соловьи”, и “поляночка” явились, как чистый родничок из толщи пережитых трудных лет. И видится мне, будто перед ликом России зажигается лампада. Тихая свечечка, светонька Алеши Фатьянова.

Кажется мне, все песни Алешины — обо мне. Про меня, для меня. Кажется, не будь музыки композитора Соловьева-Седого, сам бы сочинил. Такая в каждой Алешиной строке напевность, такая мелодичная простота. Почему так? Иными и не звучат эти песни. О том, как мальчишка-солдат увидел, что в мир пришла весна. О том, что в городском саду играет духовой оркестр. О том, что русая девушка в кофточке белой — где ты, ромашка моя?..

Память, память... Что может сделать с памятью песенка, пусть самая бесхитростная, но которая тоже как ручеек из толщи времен!

В Минске, на стенах Зала славы Музея Великой Отечественной войны, в литом металле поименованы воинские соединения, освобождавшие Беларусь. В литом металле — моя 3-я гвардейская Речицкая дивизия. Еще стояла держава, еще Беловежская пуца не стала Гефсиманским садом, когда собрался в Речице слет ветеранов дивизии. Было 1 сентября, начало учебного года, и нам всем, кто захочет, предложили провести в классах первый урок. Мне не доводилось быть учителем, и я не знал, как это делается. Достался четвертый или пятый класс. Помню цветы. Дети принесли их учительнице. Или мне: знали, что свой,

речицкий солдат проведет у них занятие. А мне никто никогда не приносил цветов. И помню — дети были очень красивые. Тоже как цветы, и не хотелось думать, что их коснулось дыхание недалекого оттуда Чернобыля, и потому томила какая-то вина перед ними, хотя какая на мне вина за Чернобыль.

Я говорил, какой город у них хороший — и синий Днепр, и простор в заречных даях. О том, что цветы они принесли хорошие и учительница у них хорошая. И о том, что у них, в Речице, пробовал когда-то читать белорусские книги. И еще о чем-то говорил, только о войне не говорил, потому что нельзя детям говорить о войне, а она стояла за спиной! И стало трудно мне говорить, я не знал, о чем говорить, и спросил: дети, кто споет мне белорусскую вашу песню про перепелочку, и вышла девочка и негромким голоском спела, как у перепелочки грудка болит, как у перепелочки ножки болят: «шизая, шизая перепелочка, шизая, шизая, невеличкая», и будто чем-то застлало мне глаза.

А потом я вышел в коридор. У окна, прижавшись лбом к стеклу, стоял мой товарищ, с кем делил я фронтовые дороги, он проводил занятия в соседнем классе, и в глазах у него стояли слезы.

— Что с тобой, Иван? — спросил я его.

— А с тобой что? — отозвался он. И, не стыдясь минутной слабости, в городе Речице, на белорусской земле, по-мужски, кулаком, утирал глаза гвардии солдат, украинец, уроженец Сумщины Иван Вовкотеча, наводчик орудия с 3-й батареи 309-го гвардейского артполка, умевший в ближнем бою бить немецкие танки. «Шизая перепелочка...». Песни Алеши... Тот давний яблоневый цвет осыпает мою память.



На Фатьяновской полянке

